

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ТЮЗ имени Кагановича —
было и такоеАНАТОЛИЙ
ГРЕБНЕВВизитка — 2000. —
26 февр. — С. 15.ГДЕ МОГ
СПРЯТАТЬСЯ
ТОВСТОНОГОВ?

всегда болели за тбилисское "Динамо", когда оно еще существовало, — вот он, показатель патриотизма!

"Не может быть двух театров"

Однажды в каком-то интервью на заданный ему вопрос об учениках он ответил: "Как я могу назвать кого-либо своим учеником? Пусть тот, кто себя им считает, скажет об этом сам".

Десятки талантливых людей, и не только те, кто работал с ним в театре или учился в его мастерской в институте, называют себя горделиво учениками Товстоногова. В театре у себя он всячески опекал помощников, ассистентов, режиссеров, работавших с ним на вторых ролях, до тех пор, правда, пока те не проявляли излишней самостоятельности. Тут, надо отдать ему должное, он вел себя как диктатор. Хочешь самостоятельной работы — пожалуйста, в другом театре. Он тебе и поможет в этом. Но — не здесь. "В одном театре не может быть двух театров". Это — его слова. Сказаны они по поводу Сергея Юрского.

Юрский, один из любимейших его учеников, в зените своей актерской карьеры занялся режиссурой. Поставил в БДТ два спектакля — булгаковского "Мольера" и "Фантазии Фарятьева" Соколовой. Это был, как видно, максимум того, что мог позволить ему у себя в театре Г. А. Его не устраивало — он говорил об этом — совмещение режиссуры с исполнением главной роли. Боюсь, однако, что в нем зыграла и ревность. Хотя он действительно считал, что нельзя одновременно играть и ставить. Он говорил со мной об этом, ожидая ответного отклика и согласия. Это было его стойким убеждением. Как и то, например, что нельзя репетировать спектакль с двумя составами, это два разных спектакля. В БДТ принципиально не было дублеров, и когда кто-то из артистов заболел, спектакль отменяли.

Короче говоря, с третьей постановкой у Юрского возникли проблемы.

К несчастью, это совпало с активной травлей Юрского, которой занялся ленинградский обком и конкретно "первое лицо" — Романов. Юрский надумал уехать из Ленинграда, взял для начала продолжительный отпуск в театре. Для Г. А. создавалась, по его же словам, шекотливая ситуация. Получалось, что он, Товстоногов, заодно с Романовым. Но... в одном театре не должно быть двух, и тут он не смог, как я понимаю, перешагнуть через себя. Юрский уехал.

Народные и заслуженные

Еще одна из загадок театра — отношение к "почетным званиям". Мы — единственная страна, где есть "заслуженные" и "народные", даже болгары отказались от этого еще "до всего", году в 85-м... Я знаю, что одним из проявлений "немилости" Смольного к Сергею Юрскому был отказ в присвоении очередного звания. Вся актерская плеяда БДТ, товарищи и партнеры Юрского, давно уже были "народными", а он все ходил в "заслуженных" — где справедливость? Г. А. рассказывал мне, как обращался с этим к Романову, говорил о "шкале ценностей", но натолкнулся на резкое "нет".

Не знаю, как отнесся к этому в то время сам Сергей Юрьевич, для него-то уж, думаю, эта формальность не имела значения, не в том было дело. Хотя, признаюсь, не встречал на театре человека, пусть даже самого рафинированного, для которого, однако, вопрос этот не был бы предметом переживаний: "народный", "заслуженный" или вообще никакой.

Быть может, дело тут в конкретных условиях жизни, когда "звание" представляет собой (или, может быть, уже в прошедшем времени — представляло собой) хоть какую-то броню, защиту для нашего нищего актера, выстрадавшего им хоть маленькую привилегию. "Как панцирь для черепахи", — объяснял мне один "народный".

Когда однажды я осмелился — был 1987 год — написать в "Советской культуре", что пора уже и нам вслед за болгарями покончить с анахронизмом — как, если б мы знали, накинулись на меня знакомые артисты, упрекая в высокомерии и снобизме. Больше всех огорчился мой старый приятель, прекрасный актер — он как раз только что получил "народного СССР" и радовался, как ребенок.

Ну что тут скажешь!

Думаю, что и сам Г. А. относился ко всем этим цацкам, как он их насмешливо называл, все-таки тоже с известной долей серьезности, иначе он не был бы театральным человеком. А кроме того, за ним стоял его театр, что тоже надо иметь в виду. Злые языки (а были ведь и такие, куда денешься) говорили, что накануне своего 70-летия он нервничал по поводу получения или неполучения им звания Героя Социалистического Труда, в просторечии Гертруды, — единственной, кажется, награды, которую он

к тому времени "недополучил" и к которой естественно во всех других случаях относился с юмором. Но тут — нервничал... Не удивилось, если это даже так. В причудливом рисунке отношений с властью это могло иметь для него какое-то значение. Да и вообще...

Впрочем, отношения с властью это отдельная тема.

Стыдное письмо

Где та тонкая грань, за которой осторожный компромисс оборачивается сделкой с дьяволом? Рано или поздно наступает момент, когда грань стерта; жизнь ставит тебя перед жестким выбором. Многие испытывали это на себе.

...В тот приезд я застал Георгия Александровича в состоянии душевного смятения. Таким я его еще не видел. Накануне в "Правде" появилось очередное "коллективное письмо" с бранью в адрес академика Сахарова, и там, среди громких имен "представителей интеллигенции", стояло и его имя, его подпись. Разумеется, это не могло быть сделано без его согласия, хотя бы устного. Он не сказал "нет".

В те дни он не выходил из дома, не подходил к телефону, болел. Разговор наш не клеился, оба избегали деликатной темы. Наконец он заговорил "об этом" сам.

Конечно, он утешал себя тем — пытался утешить, — что волен в своих поступках лишь до тех пор, пока дело не касается судьбы театра, а здесь на карту было поставлено все, — так он убеждал, похоже, себя самого, и в этом была правда, но не вся правда. И он это чувствовал сам, как никто другой.

В таком положении был не он один. Судить этих людей вправе лишь тот, кому предлагалось подписать нечто подобное, а он отказался. Я таких не знаю. Двое моих друзей, писатель и кинорежиссер, в свое время в подобной ситуации прятались при мне в Болшеве, в Доме творчества. Г. А. нигде было спрятаться.

Как он отдыхал?

Как он отдыхал? Ценил ли комфорт? Любил ли женщин? Знаю только, что своей Зинаиды Райх у него не было. Видел двух его жен в разные периоды жизни. В последние годы жил он один.

Догадываюсь, что были в нем, как и во всяком кавказце, черты сибаритства и что ценил он достаток, которого они с сестрой были лишены в молодости. Но похоже, что ни тогда, ни теперь это не имело

для него значения — может быть, в силу природного аристократизма. Однажды только видел, как загорелись его глаза по поводу сделанного приобретения: он демонстрировал мне "мерседес", привезенный им из Германии, показывал всякие кнопки, рычажки, трогал с места, оборачивался: "ну, как?" — не скрывая удовольствия. За рулем "мерседеса" и застала его смерть. Он ехал из театра — откуда же еще? — с репетиции.

Прямая речь

(Записи разных лет)

— Почему я не в партии? Ну, знаете! Чтобы какой-нибудь осветитель учил меня, как ставить спектакли?!

— Я только что с совещания у Ильичева. Идеологическая комиссия, не шутите! Выступил Софронов. Его, как вы знаете, не ставят в Ленинграде вообще. Диверсия, групповщина. Он прямо так и заявил. Ставите, мол, своих. И — на меня. "Своих" — вы понимаете, что он имел в виду? Ну, я взял слово. Говорю: в чем дело, какие проблемы? Как только Софронов напишет хорошую пьесу, ставлю ее немедленно!

— Что еще за слухи? Нет, ни в какой Малый я не пойду. Ни в Малый, ни в ЦТСА, вообще новый театр не возьму, исключено. Это можно раз или два в жизни. Когда в 56-м я пришел в БДТ, пришлось частично менять труппу. Знаете, что это такое! Один актер уволенный, хороший человек, повесился, оставил записку. Я не спал после этого... Нет, больше — никогда!

— Зачем мне этот "мерседес"? Ну как вам объяснить? Вот такой анекдот. Грузин купил "запорожец". Угнали. Купил второй, запер в гараж. Опять угнали. Купил третий. Навесил два замка. Приходит наутро — нет машины. Лежит пачка денег и записка: "Вот тебе деньги, дурак, купи себе нормальную машину, не позорь нацию!"

Анатолий Гребнев — киносценарист, автор сценариев известных фильмов: "Июльский дождь", "Утренний обход", "Старые стены", "Прохиндида", "Успех", "Петербургские тайны". Публикуемый отрывок взят из книги "Записки последнего сценариста", подготовленной к печати в издательстве "Алгоритм".
С сокращениями. Заголовки даны редакцией "ВК".

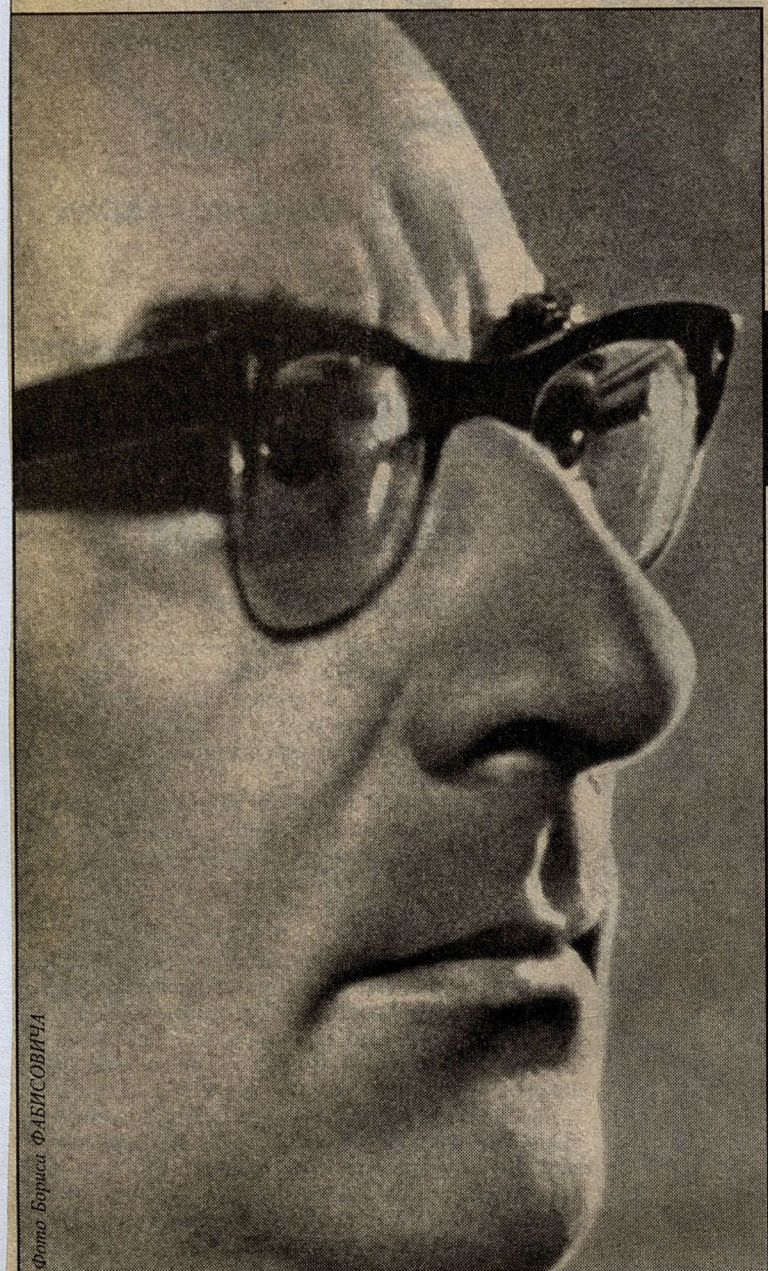

Фото Бориса Фабисовича

Гога из ТЮЗа

Автор этих строк, по-видимому, один из немногих, кто видел спектакли Товстоногова с самого начала его режиссерской карьеры.

Был такой театр — тбилисский русский ТЮЗ имени, как ни странно, Лазаря Кагановича, "железного наркома"; такие бывали чудеса. Году, помнится, в тридцать восьмом я впервые встретил там молодого, очень серьезного человека с характерно вскинутой головой, в очках, то ли еще студента, то ли уже дипломника московского ГИТИСа, приехавшего в родной город, в русский ТЮЗ, на постановку. Помню его спектакли "Белеет парус одинокий" и "Беспокойную старость"; об одном из них я даже писал в газете "Молодой сталинец". Как и многие сверстники, был я непременным участником "Детактива", как это тогда называлось, то есть активистом энтузиастом ТЮЗа, где вдобавок работала моя мама. А еще я трудился на детской железной дороге, которая была как бы филиалом ТЮЗа, а еще выпускал настоящую печатную газету "Дети Октября", то есть был, как видите, фигурой столь заметной, что и кумиры-артисты здоровались со мной, каждый раз повергая в смущение. А Георгий Александрович Товстоногов, Гога, как его все называли, однажды остановил меня в подъезде театра, о чем-то заговорив. И вот с тех пор мы знакомы.

Уже и тогда, молодым человеком, Гога внушал к себе почтение. Я почти не встречал людей, которые были бы так естественно ограждены от всякой фамильярности и амикошества, как он, Гога, даже когда с ним говорили на "ты". Власть ре-

жиссера сквозила во всем его облике. Он был режиссером. Он им родился. Даже не знаю, что было бы с ним, родись он в прошлом веке, когда еще не было такой профессии.

А еще был он все-таки грузином. Это уж без сомнения. Грузинкой в их семье была только мать, а отец — русским. Я, кстати, помню отца — видного инженера-путейца и преподавателя; мы, мальчишки, обращались к нему по делам детской железной дороги. Он сгинул в тридцать седьмом. Так вот, о семьях. Они всегда, уж не знаю почему, оказывались грузинскими даже и при смешанных браках. Замечал это не раз. Да что семьи! Мой школьный товарищ Ваня Овчинников — уж на что коренной русак. А послушаешь — грузин. Акцент, как у какого-нибудь крестьянина из Чохатаури, да и повадки тоже. И так многие, если не все... Когда еще в недавние годы — я считал зажигательные речи моих тбилисских друзей и коллег об имперском диктате России, я всегда улыбался про себя, да простят меня ораторы. В Тбилиси, в Грузии, по крайней мере на бытовом уровне, все интонационно, что там было, всегда и неизменно подпадало под специфическое влияние (не скажу давление) грузинских традиций, языка, менталитета, как мы сейчас говорим. Если кто кого ассимилировал, то только не русские грузин, скорее наоборот. Грузинское начало обладает какой-то магической заразительностью: вкусы, обычаи, артистизм, этикет... Вот и дом Товстоноговых — Лебедевых в Петербурге, со всегдашними, когда ни приедешь, гостями из Тбилиси, был и остался грузинским домом. Надо ли говорить, что здесь